

ЛАСЛО ХОРУЦИ

ОБРАЗ ВРАГА, ПЛЮРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНЦИЯ

Введение

Одна из проекций толкования моральных конфликтов приводит нас к проблеме так называемого образа врага, поскольку внутри структуры конфликтов он показывает некое противостояние, причиняет некую помеху в действии механизма; означает такое неудовлетворительное явление, которое нужно ликвидировать, которое нельзя оставить в покое, так как оно препятствует здоровому сохранению, а особенно — дальнейшему прогрессу. Этот компонент конфликтов мы можем назвать врагом или враждебным явлением, а наше мнение, сложившееся о нем — образом врага. Однако образ врага как социальное онтологическое понятие намного шире и сложнее того, если бы оно означало осознание, толкование лишь одной проекции (составляющей) осознания. Образ врага является категорией, вкрапленной в общественную практику, как один из существенных — а в некоторой части случаев наиболее существенным — мотиваторов общественной и индивидуальной деятельности человека. Дело в том, что в ходе деятельности, когда мы хотим достичь каких-то целей, мы сталкиваемся с более или менее крупными препятствиями, которые необходимо предотвратить, преодолеть, так как без этого нет успешной деятельности; мы не сможем достичь поставленных задач. Далее, как для индивида, так и для общества в той или иной степени всегда всплывает некая угрожаемость, некая угроза, отрицание. Если препятствия, подлежащие преодолению малозначительны, а угрожаемость и противостояние не имеют крупных масштабов, то мы можем говорить о трудностях, проблемах, ошибках, препятствиях. Если же эти барьеры-препятствия слишком большие, угрожаемость и противостояние приобретают широкий размах, то — с точки зрения нормального функционирования данного состояния — мы можем говорить о враге, уничтожение, упразднение которого кажется необходимым. Формирование образа врага, выступление против врага означает негативную сторону практики (отрицание), но в большей части случаев без нее нет позитивного шага, невозможна креативность. Отрицание и креативность можно найти во всех видах деятельности, но какова их пропорция — это зависит от конкретной практики, ее состояния, окружающей среды и цели. В ходе истории человечества нахождение верной пропорции отрицания и креативности означало наибольшую проблему, и очень часто мы встречаемся с искажением, и главным образом, с такими искажениями, которые на основе несоответствующего образа врага главный акцент ставили на отрицание, а иногда и на разрушение.

Исследуя вопрос в историческом плане, уже в первобытнообщинном обществе — примечательно в магии — формируется образ врага, а также осознание того, что человек зависит от обстоятельств, человеку угрожают внешние факторы и т. д. Добрые и злые духи, добрые и враждебные силы, в боль-

шинстве случаев были конкретными, но они вскоре достигли такой степени обобщения, где природа раздвоилась на хорошую, дружескую и злую, враждебную природу. Это дало основу конкретного образа врага для формирования абстрактного понятия врага, которое на самой низкой ступени осознания отождествлялось со злом, с порчей, а на более высоком уровне в однозначное понятие врага превращается только лишь в классовом обществе. В большинстве случаев с образом врага, проявляющегося в конкретной форме, связываются также не в малой степени и эмоциональные «отложения». Враг здесь, как правило, *внешний*, не имеет человеческого облика, а некоторое природное явление, аналогично развитию образа бога. Естественным обществам не был известен внутренний враг, поэтому враг не имеет человеческого облика; правда, и члены других обществ могут выступать в качестве врага, однако, характерно, не это; в процессе повседневной практики враг репрезентируется ненадежной, капризной природой. С появлением религии происходит мистификация врага (образ врага и религия развиваются не по отдельности), и религия берет на себя задачу общественной организации борьбы против враждебных сил, ее управлением, а позднее — определение образа врага (т. е. изгнание злых духов, черодейство и т. п.). Таким образом, часть общественной деятельности происходит под знаком борьбы против естественно-природных сил и врагов, а также против иллюзорных врагов, затрачивая на это немало времени и энергии, зачастую — растрачивая их попусту.

С появлением *классовых обществ* в образе врага происходят определенные модификации. Наряду с внешним, инородным врагом появляется внутренний враг, мало того, через определенное время доминирует именно он (вследствие обострения общественных противоречий, возникновения конфликтов), и образ врага приобретает человеческий облик, точно так же, как и в религии — в изменении образа бога происходит превращение его в человеческий облик. Врага может воплотить иноземный завоеватель, но в общественном плане это может быть и индивид, группа, стремящаяся к чему-то другому, заинтересованная в чем-то ином, может быть, преступность; а в религии иной бог, иная вера и т. д. Особо стоит упомянуть о самой религии в связи с первыми классовыми обществами. Уже раньше мы указали на то, что в деле определения врага, в конечном счете, в решении о том, кто является врагом, и в борьбе против него, выступили религии первобытно-общинных обществ с тем запросом, что именно они способны выполнить роль эталона. В условиях классовых обществ эти запросы усиливались еще больше и, поскольку религии развились в организованно-учредительную идеологическую власть обществ, — а в сфере повседневного сознания их определяющий характер стал беспорочным, — то они, эти религии, превратились в главные вершители образа врага. В религиях классовых обществ и в структуру религии как в идеологическом, так и в практическом плане вкрапывается образ врага. В идеологическом отношении достаточно упомянуть злых богов или же априори враждебных врагов; в большинстве случаев в образе беса, шатана. Если прочитаем священные писания, а в особенности Библию, или Коран, везде идейное содержание и вдохновение к практической деятельности сводится к одной из главных, но, конечно, не исключительной задаче: к борьбе против врагов, уничтожению их (т. е. беса или иной религии, иного бога). В некоторых религиях мы встретимся и с толеранцией, но скорее доминирует борьба против врага, причем на некоторых этапах развития — с явно выраженным характером, как например, в религиозных войнах (священных войнах) эта борьба проявляется в изгнании еретиков, в инквизициях и

т. д. В религиозном образе врага с этим «земным» врагом связывается и миф, так как бес — это враг Бога и человека. Но посредством этого враг становится абсолютным злом, подлежащим уничтожению. Вопрос, что означает религиозный образ врага, к каким последствиям он приводит, в наши дни, пожалуй, лучше всего, с наибольшей пластичностью можно показать на примере исламского фундаментализма, исламского терроризма.

Буржуазное развитие принесло значительные изменения в общественной практике и вместе с тем изменился и онтологический и гносеологический облик врага. На пути буржуазного развития априори появились иные препятствия, иными были и факторы, воплощающие признаки угрожаемости, чем это было при феодализме. Буржуазному развитию в немалой степени препятствовали факторы земного мира, далее, товарное производство, рынок, конкуренция выступили с запросом рационализма, таким образом, образ врага подвергся демистификации, рационализации и в немалой степени приспособился к общественным группам, нациям. Официальная идеологическая иерархия, сложившаяся в условиях ценностей буржуазного общества, содержала в себе образ врага ограниченного, рамочного характера. Постепенно сложилась также и практика общественной манипуляции с образом врага. Несмотря на дифференцированный характер буржуазного образа врага, он не мог освободиться от мистицизма, поскольку товар, денежные отношения таят в себе опасность фетишизма. Далее, рынок и конкуренция в их обостренной форме, конкурентная борьба непременно содержат в себе момент предполагаемости врага, в некоторых же случаях — момент фабрикации врага, и это всегда приводит к необходимости манипуляции с образом врага. В буржуазный образ врага, начиная с конца прошлого столетия, постепенно входит марксизм, социализм, коммунизм, Советский Союз — как главный враждебный фактор. Далее, разделение на различные области общественной надстройки, как-то: адаптация к сферам политики, экономики, идеологии, искусства, культуры, морали. Корни простирались на большую глубину, их уничтожение было осуществимо лишь в рамках исторической перспективы и закрепление образа врага вследствие двух мировых войн придали им критический характер.

Образ врага является также необходимым спутником практики *марксизма и социализма*. В отрицании, которое характеризует и марксизм, необходимо присутствует враг, образ врага. Ведь марксизм стремится ликвидировать одно состояние: капиталистическую общественную систему, на это направлена его критика (точнее, в форме конца XIX — начала XX века); против этого выступил и социализм как общественное движение. Способ производства капиталистического общества, его политическая система, идеология, мораль — в классическом марксизме выступают как враг, которого надо уничтожить в ходе революции, пролетарской диктатуры, строительства социализма. В этом процессе в прямой форме формулируется: кто такой враг, что такое враг, показывается тенденция, исторически доминирующая в борьбе против врага. К сожалению, ныне уже стало совершенно ясно, что борьба зачастую велась не против реального, а вымышленного врага; в некоторых случаях главной задачей становилась фабрикация врага и наряду с реальным, объективным врагом борьба против ложного противника нанесла колоссальный ущерб идеям и практике марксизма, социализма. В таких условиях выдвигается необходимость некоего контурного разграничения образа врага и выявление тех уроков истории, которые исходят не из адекватного определения образа врага, но особенно из

некомпетентного подхода к проблеме. Подходя к вопросу с другой стороны, мы не в состоянии сконструировать ни реальную картину социализма, ни соответствующую картину будущего, если не истолкуем в его главных чертах, что такое враг, кто такой враг, что означает оппозиционность, инаковость и каков метод отношения к ним.

Трактовка образа врага

Дать понятие образа врага не легкая задача, да мы и не можем взять ее на себя; что возможно в данной ситуации — это перечислить определенные признаки и таким образом показать рамочное истолкование. Как мы уже раньше говорили, образ врага является одним из органических элементов общественной практики и человеческой деятельности. Его онтологическую основу дают объективно существующий враг или враждебные явления, но сам образ врага в своей выкристаллизованной и осознанной форме представляет собой гносеологическое образование. Как общественная практика, так же и образ врага исторически изменяется, связывается с общественными группами, индивидами. По своей структуре он содержит в себе воззрения, понимая, взгляды, далее — эмоции, зачастую страсти. Образ врага может стоять на низком или более высоком уровне сознательности, но является одним из главных, а иногда и главнейших мотиватором деятельности.

Истолкование образа врага невозможно; оно возможно лишь в том случае, если мы дадим *трактовку врага*.

В обществе врагом мы называем тех лиц, формы деятельности, тенденции, направления, которые *посягают на существование* общества, группы, человека, в высокой мере *угрожают их существованию*, функционированию. Следовательно, в определенной системе отношений враг объективен; и то, что направлено против существования одного явления, в большой мере угрожает его существованию, ставит под угрозу способность к функционированию. Тенденция ликвидации, угрожаемости может быть направлена и против состояния какого-либо явления или против одной из составных его частей. Однако она не затрагивает существования этого явления, его основного качества. Возможно, что эта тенденция вызывает вынужденные изменения, преобразования, — но это не называется врагом. Если же изменение состояния, упразднение составного элемента воздействует против существования явления, его основного качества, то в этом случае правомерно назвать его врагом. Например, если марксизм и социализм мы примем в качестве явления, то антимарксизм и антисоциализм следовало бы считать врагом, однако немарксизм не следует принимать за врага; или религию, или, скажем, современных социал-демократов, так как они принимают существование социализма, не желают его ликвидировать. Практически, в конкретных ситуациях, трудно определить, что именно направлено против существования какого-либо явления, какова практическая степень угрожаемости ему, какое изменение состояния или же ликвидация каких компонентов, особенностей влечет за собой ликвидацию самого явления. Диапазон субъективной характеристики — главным образом, вследствие проявления эмоций, страстей, — довольно широк, и, так это подтверждает и историческая практика, очень часты были промахи, оплошности, не опознание противника или же фабрикация противника, его поиски и преследования там, где врага и не было и в объективном плане. Выкристаллизация затрудняется еще и

тем фактом, что, то, что является врагом, может стоять на различных уровнях, иметь различную силу, развитость, интенсивность. И то обстоятельство, что он сам претерпевает изменения, он может быть потенциальным, непосредственно действующим, сильным, ослабленным, умирающим, активным, пассивным и т.д. врагом. Поскольку истолкование врага довольно проблематично, то в интересах дальнейшего преодоления, избежания недоразумений и недопонимания кажется полезным также истолкование и некоторых понятий, обладающих определенным родственным значением. Во враге всегда присутствует направленность против чего-либо, мотив угрожаемости, отрицание. Однако известно много и таких прочих явлений, которые в какой-либо форме и степени содержат вышеупомянутые понятия. Таковы, например, *оппозиционность, отрицание ценностей, конкуренция (соперничество), противоречие, несогласие, инаковость, инакомыслие, инородие* и т.д. ... Эти явления в большинстве случаев можно найти в совокупности жизни общества, они означают отрицание, но значимо могут быть связаны с какой-либо сферой общественной жизни; например, оппозиционность связывается с политическими отношениями. *Оппозиционность* и враг это не одно и то же. Оппозиционность тоже является отрицанием, но она направлена против такого состояния, такой особенности явления, ликвидация которых не влечет за собой ликвидации самого явления, угрожаемость направлена не на целое, а только лишь на часть, да и там только в такой степени, которая не угрожает функционированию целого. Оппозиционность как отрицание чаще всего является критикой, противоречием на определенные черты и приметы и считает целесообразным функционирование иным способом, в иных формах, иными средствами. То есть оппозиционность предлагает иную альтернативу в механизме действия системы, которая может быть более оптимальной, более прогрессивной. Но оппозиционность может быть и регрессивной, тормозящей, во всяком случае, она вносит в систему динамику; она может быть средством против застывания, состояния неизменяемости. У оппозиционности, однако, несомненны количественные границы, поскольку неограниченная оппозиционность может привести к неспособности функционирования и затем перейти в сферу влияния врага, очень часто несмотря даже и на субъективные намерения. Само собой разумеется, и оппозиционность имеет свои различные уровни, формы, ее существование дает выдвижение альтернатив, контроль, критика, показ неудовлетворенности, побуждение к динамике изменения. Поскольку в оппозиционности обрицание — это некая угрожаемость статусу-кво, если даже и в малой степени, но все же, есть в ней часто — особенно подвывая с эмоциональной стороны, — путают с врагом и так орудут с ней или же делают ее врагом. Плачевные случаи имеются в истории социализма — особенно в период сталинизма — когда оппозицию, оппозиционность принимали за врага, причиняя этим многочисленные трагедии. В условиях буржуазного развития функцию оппозиции призвана осуществить система многопартийности и, как показывает опыт, это на более или менее высоком уровне эффективности, сделать все же удалось. Однако значительная манипулируемость многопартийной системы, ее низкий уровень эффективности, а также ее приязанность к определенным общественным формациям показывают, что она не является исключительно единственной формой; могут быть представлены и другие механизмы, из которых, однако, не следует, что при социализме, в определенных его условиях, она не могли бы применяться. Намного важнее здесь то, что существование оппозиции — естественно, в рамках социализма — именно как раз в силу артикуляции разнообразных интересов,

должно быть гарантировано. Если же этого не произойдет, то выражение объективно существующих *иных* интересов мы сделаем врагом, и принуждаем их к враждебному поведению. Но поиски форм, в свою очередь не приходят со дня на день, и нет ни одной формы, ведущей к спасению, а в зависимости от конкретных исторических ситуаций возможна широкая шкала видоизменений. Существование оппозиции предполагает также и учение диалектики о противоречиях, то есть ее правомерность нельзя ставить под вопрос, однако, в каких формах она существует, каким образом функционирует, — это не вечно данное. Далее, поскольку и оппозиция мобильна, обладает различной интенсивностью, подход к ней должен происходить конкретным образом, дифференцированно. Оппозиция дочужда приводит к креативности; отсутствие креативности ставит под вопрос существование самой оппозиции.

В ряду отрицательных явлений общества можно найти также и механизм «инаковости», «инакомыслия». Другое, «отличное» всегда означает и некоторую неопределенность, и таким образом она может вызвать чувство угрожаемости, а на примитивном уровне — представление о враге. Предосторожность по отношению к инаковости и боязнь ее берут свои истоки еще от первобытного человека, для которого отступление от всего обычного означало опасность. Упрощенное мышление, стремление к полной неизменяемости, страх перед всем новым в связи с инаковостью может вызвать аналогичный метод понимания и перестраховочные рефлексы. В то же время инаковость, проявление качественной беспредельности мира и стремление в нем к новому может означать расширение многогранности, обогащение знаниями и средствами. Однако нельзя забывать о двойственности характера инаковости, точно так же, как не следует забывать о том, что оппозиционность является ценностью не сама по себе, а в зависимости от своей конкретной роли; в той пропорции, в какой мере она причастна к креативности; но как отрицание оппозиционность может быть и антикреативной.

Как оппозиционность, так и инаковость исходят из объективно существующих общественных групп, от соответствующих им интересов, но в то же время выражают и многообразие людей, их различных метод мышления. Таким образом, в идеологическом плане они предполагают плюрализм, а вместе с ним и признание права на существование в сфере идей. В инаковости объективно существующий в ней плюрализм устанавливает и систему отношений и неизбежно приводит к толерации, к толерантным отношениям. Плюрализм и толеранция являются спутниками правильно понимаемого демократизма, в то же время плюрализм — т. е. принятие к сведению многообразия явлений — также не может быть беспредельным, поскольку внутри многообразия принятие всех его видов априори невозможно. Инаковость может выполнять разнообразную роль. По сравнению с каким-либо состоянием присутствующая инаковость может быть укрепляющей это состояние, оставаться нейтральной, но может быть и враждебной к нему. Отношение к враждебной инаковости — уже в рамках плюрализма — ставит под вопрос толеранцию. С образом врага могут сформироваться аналогичные представления и в случае конкуренции, соперничества, несогласия. Один человек своего соперника, того, с кем он не согласен, может принять за врага, и может вести себя с ним как с врагом, вследствие чего и сделает его своим врагом. Индивидуальный образ врага может перемещаться по чрезвычайно широкой шкале, в чем немаловажную роль играет образованность индивида, уровень его культуры, склад ума, в конечном счете, субъективность. Субъективность, в свою очередь, может сделать врагом не только объ-

ективно врага — иногда не осознавая — очень часто на основе настроения, чувств, тщеславия, сама себе фабрикует врага, даже в случае объективно не враждебных явлений.

Вышесказанное подтверждает тот факт, насколько сложной является задача истолкования противника, оппозиционности и т. д. В объективно существующих системах общественного отношения эти взаимосвязи с сами по себе объективны, однако, не свободны от субъективных мотивов. Формирующийся образ врага или образ оппозиции, инакомыслящего, соперника (конкурента) и т. д. большей частью воплощает общественную и индивидуальную субъективность, в большей или меньшей степени приспособленной к объективным, реальным условиям. В виду того, что двигателем этих объективных условий является человек; субъективность несет в себе большую опасность искажения, а вместе с этим — непригодный метод подхода, обострение конфликтных ситуаций, обострение конфликтов до крайностей, конфронтацию, трагедии, исторические обходы, колоссальные растраты общественных и индивидуальных ценностей, энергии. Враг, оппозиция, соперничество, инаковость, инакомыслие и т. д. показывают своего рода иерархизацию; исследуя конкретно, они понятийно могут определять отношения. И поскольку эти явления не костные, не застывшие, не без движения, а движения мобильные — в зависимости от подхода к ним — они могут переходить друг в друга, переплетаясь друг с другом, могут вместе проявляться. Повседневное мышление склонно к тому, чтобы всех их вобрать в один образ врага, подходить к ним недифференцированно.

Однако, в интересах оптимальной общественной практики, в виду этого, что вышеуказанные моменты в формах отрицания даны объективно, необходимо их познание, раскрытие, а на основе этого — подход. Все это возможно лишь в рамках научно разработанного образа врага. Научно разработанный образ врага, в конечном счете, относится к уже обрисованному врагу; оппозиция и т. д. не относятся сюда (может быть, только в повседневном сознании), их схематичное перечисление послужило цели — сделать понятие образа врага более точным, освободить его от туманностей, расплывчатости, мистицизма и от того беспредельного характера и искажающей субъективации; которые в обыденном сознании примыкают к данному понятию и ныне.

Отношение к образу врага, к врагу, разрешение конфликтов

Конфликт, — как проявляющееся в обостренной форме противоречие, противостояние, направленность друг против друга, — может возникнуть и в случае соперника, инакомыслящего, оппозиции и врага. Способы разрешения конфликта могут быть разнообразными, цель: без особого потрясения, по возможности, разрешение его на основе толеранции. Разрешение конфликта — против врага и отношение к врагу — всегда имеет специфическую природу и в немалой степени зависит оттого, каков образ нашего врага. Состоящий из объективных и субъективных компонентов образ врага всегда предопределяет первый шаг по направлению к врагу, потом он может быть модифицирован, но деятельность совершается всегда на основе вышесказанного. Очень часты искажения образа врага и исходящее из этого неправильное отношение, неправильная практика. Одной из модальностью отношения к врагу является победа над врагом, иногда — его уничтожение. Когда это обосновано и в какой мере (этот

подход в историческом плане был часто употребим и, очевидно, не полностью устраним) — зависит от особенностей конкретных условий. Это так называемое конечное решение, само собой разумеется, не является самым общим приемом в отношении к врагу, хотя примитивное мышление часто приводит к этому. Данный факт ярко выражается в народных поговорках: «вырви сорняки с корнем», «не щади злых», «худая трава из поля вон» и т.д. Этот способ подхода является характеристикой так называемого гомо-гостильного метода. Как писал А. И. Мельвин: «Гомо-гостильное — априори враждебным, полным врагов ощущает мир. Это сознательно параноидную картину мира усиливает двоякая оценка собственных и чужих поступков. Ко всему прочему, сознание гомо-гостильности находится под таким влиянием, что психология называет когнитивной диссонанцией; это значит, что образ врага сознательно вынуждает на такие неразумные и необоснованные поступки, которые с еще более злым намерением, придаваемым «врагу», обосновывают это и таким образом сформировался бесовский круг враждебности»¹. (Подчеркнуто мною. — Л. Х.). Искаженный образ врага, таким образом, склонен к крайностям, и это детерминирует и методы решения. Так же, ссылаясь на американского исследователя С. Кина, Мельвин пишет: «внешнего врага» главным образом принимают за чужого: «варвар», который представляет угрозу культуре и цивилизации, воплощение алчности, враг всему, что свято, чертовски беспощаден, фантичен и способен на любое преступление и подлость; кровавый палач, воплощение смерти. Наряду с этим он чрезвычайно осмотрителен, дальновиден, точно знает, чего хочет и неумолимо стремится к цели. Эскалация враждебности имеет свою логику, которая ведет к полной дегуманизации образа врага, лишённого всех человеческих черт, человеческого облика. Поэтому «абсурдный враг» практически обезличен»². Единственная альтернатива против бесовского, близкого врага, — его уничтожение, ликвидация, поскольку, как об этом пишет тот же Мельвин: «Это ужасный образ врага, который способен представить врага варваром и фанатиком, готовым на ложь и подлость, на любое преступление. Он оправдывает все поступки, связанные с ним и в связи с этим не позволяет возникновению ни малейшего сомнения. В то же время он не только подтверждает опасную политику, но и диктует политический курс — конфронтацию усиление напряженности, враждебность»³. Идя дальше, у этого же автора находим: «Образ врага парализует человеческий разум и логику, он насаждает и усугубляет только отрицательные чувства, страх, ненависть, недоверие, отвращение, подозрительность, враждебность. В этом смысле мы можем сказать, что ужасы рождает не только дремота разума, но также и воплощающиеся в образе врага чудовища, которые уничтожают, парализуют разум. Психология враждебности ведет к формированию и такой особенной политической морали, в которой эти принципы задают тон. «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдаётся, его надо уничтожить», «что плохо врагу, то на руку нам» и т. д.»⁴

Вышеприведенные цитаты в надлежащей мере подчеркивают, какой большой вред в течение продолжительного времени причиняет искаженный образ врага и исходящая из этого практика. Искажение в политике по отношению к внешнему и внутреннему врагу происходило очень часто. В ходе истории социализма и сегодня существуют определенные опасности этого явления. У цитированного выше автора находят следующие особенности деформированного образа врага: «Традиционное политическое мышление, находящееся под его влиянием, костное; современный мир всегда многообразен, и однозначно не реше-

мую свою проблему образ врага сводит к противопоставлению черного и белого, абсолютно доброго и абсолютно злого. Вследствие этого традиционное политическое мышление отстраняется от всего нового, что не вписывается в строгий политический шаблон. А это неизбежно связывает по рукам и ногам мышление, ограничивает поиски альтернативных возможностей. Это мышление монолитное, перед всем «слепое», «закрытое», которое только на щепотку отличается от традиционного мышления. Образ врага делает возможным ощущать любые поступки второй стороны только лишь с определенной точки зрения — а именно с точки зрения враждебности, и этим самым рождает другие ошибочные представления, иллюзии, стереотипы. Враждебное поведение врага, например, в этом случае только усугубляет осознанный образ врага; но стремление врага к компромиссу, его миролюбие оценивает как интригантство, и это опять подтверждает только то, что на врага можно воздействовать лишь силой».⁵

Искажения образа врага могут идти и по другому направлению, но в своих наиболее деформированных формах они направлены на поиски маниакального врага, на ненависть и ликвидацию врага. Образ врага в такой форме может сложиться не только в политике, в социальной сфере, но и у индивидов. Человек, попавший в рабство деформированного образа врага, не в состоянии теперь по-другому думать о другом человеке, а только лишь как о своем потенциальном или активном враге: врага он считает своим смертельным врагом; каждый его шаг принимает за провокацию. Он не способен ожидать от него нейтрального, или, может быть, дружеского поведения, деятельности. Бесспорно, такой психоз может вызвать аналогичную реакцию и со стороны его противника. На основе такого образа врага ликвидируется мораль, право, гуманность; одна единственная цель может быть — как можно скорейшая ликвидация врага. Такие люди не в состоянии различать сильного, слабого, опасного, неопасного, реального, нереального врага. Перед ним витает одна мысль: уничтожить врага. Этот процесс в историческом плане характерен для самовластителей и деспотов, обладавших огромной властью, но эта склонность у некоторых типов людей, в определенных условиях окружающей среды легко может обнаружиться.

Одной из крайних разновидностей — а иногда и неизбежных подхода к врагу является его уничтожение, которое всегда возможно лишь на основе одного определенного образа врага. Второй крайней разновидностью мы можем считать подход, происходящий на основе так называемой безоговорочной любви, которая определяет безоговорочность таким образом, что любовь изменяет даже врага, но сюда же привлекает и умение безоговорочного прощения. Эту мысль можно найти в христианской этике, она делает ссылки на те библейские фрагменты, согласно которым «любите и врага своего», «если бросят в тебя камень, в ответ брось хлеб», «люби ближнего, как самого себя» и т. д. Основу веры дает то, что все — дети Бога и то, что дано от Бога, нужно любить. Общеизвестно, что христианство, проводя практику, не соответствующую высказанному, сформировало себе образ врага, последствия которого зачастую приводили к плахе, виселице, сжиганию на костре. Если даже и не безоговорочная любовь, но во многих случаях может стать наиболее целесообразным и успешным «метод» любви или «терапия» любви, по крайней мере, используя в качестве противодействующего средства вражду и распри. Дело в том, что любовь содержит в себе доверие, толеранцию и готовность прийти на помощь. В истории социализма немалая роль была отведена разным видам ненавист-

ничества и распрей. Некоторую беспощадность и жестокость можно было бы избежать, выдвинув на первый план любовь. Таким образом, любовь только в конечной своей форме — в случае безоговорочной любви — является крайним направлением, так как часто разрешение проблемы возможно лишь на любви, имеющей моральные основы. Это может гарантировать момент неизбежной гуманности. Известны многочисленные формы любви, об этом очень много расписывалось. Особым случаем следует считать любовь, которая означает свободу от насилия, проповеданную Ганди, и с которой роднится искренняя любовь, выдвинутая Альбертом Швейцером. Свобода от насилия действительно означает гуманистический принцип, однако тезис его полноты немислим в обществе, поскольку полная свобода от насилия заключала бы в себе полную свободу от принуждения, а создание же такого состояния невозможно, потому что человек — природное существо, — не может освободить себя от природы; природа всегда означала для человека какое-то принуждение. Однако, общественное правило, — будь то технологическое, правовое или моральное правило, — каким-то образом и в какой-то степени означает и принуждение; И известен тот факт, согласно которому без урегулированности общества не существует. Но и любовь может быть фактором принуждения, по крайней мере, в том случае, если она сочетается с совестью. Любовь имеет колоссальное значение в том, что она может стать средством для преодоления жажды мести, ненависти, которые являются атрибутами перехода во враждебность, неприязнь. Мы не ставим своей задачей в данном месте характеризовать роль любви, мы ссылаемся на нее потому, что она может явиться одним из средств формирования образа, свободного от искажений, и средством разрешения конфликта. Родственными с любовью факторами мы можем считать различные благородные поступки, применение самоограничения (воздержанности), временами, приятие небольших неудач, потерю престижа и т.д.

Одним из средств разрешения конфликта, которое в общественной проекции широко распространено, является *компромисс*. — в положительном смысле слова. Компромисс, как в жизни общества, так и в жизни индивида — необходимый акт, и его отсутствие приводит к формированию новых конфликтов, а полное устранение компромисса немисливо. Необходимость компромисса исходит из того, что в обществе существуют различные группы интересов, что жизнь тысячелетия — много инаковостей — и взгляды, идеологии множественны, разнообразны. Их сожителство, сосуществование возможно лишь на основе компромисса, и если это многообразие априори квалифицируется враждебным, то об этом остается только сожалеть, в конце концов цель неосуществима. Вследствие вышеуказанных явлений необходимым средством представляется толеранция, и даже в случае инаковости она принимается как партнер, сотоварищ. С врагом трудно заключать компромиссы, но, — конечно, не исключено, что для того, чтобы прийти к согласию, необходимо принять партнерство другую сторону нельзя исключительно принимать за врага, противника. Компромисс, какая бы она ни была желательная форма и средство подхода к проблеме, не может быть безграничным, его применяемость имеет свои пределы, и существуют случаи, когда он не может быть применим. Оптимальный компромисс предполагает формирование адекватного образа врага, который, однако, в другом плане, должен содержать в себе готовность к компромиссу.

Упомянем три узла способов разрешения конфликта: это конфронтация как одна из крайностей, принцип любви, как вторая крайность и компромисс. Шкала между крайностями (пределами) может быть очень богатой, поэтому мы

не считаем своей задачей их перечисление, но у поднятых вопросов была единственная функция — сделать наглядным сопричастность конфликта с образом врага. А в этом отношении речь идет о том, что в решении, устраниении конфликтов необходимо усиливать число сознательных элементов, поскольку это может способствовать более оптимальным решениям.

Заключение

Образ врага как очень важная гносеологическая категория отрицания общественной практики, а внутри нее — категория креативности — в настоящее время еще недостаточно разработанное понятие, в особенности в рамках марксистской науки ее трактовали редко, произвольно и прямым образом. Естественно, и марксисты занимались понятием образа врага, главным образом, в конкретном смысле и в немалой степени опосредованно; то есть всегда существовал некий образ врага. Научно разработанный и осознанный образ врага в нашу эпоху проявляется по новому, вбирая в себя новые, специфические черты. Наличие современных средств массового уничтожения делает обязательным истолкование как врага, так и образа врага. Возможность вражды притеснилась к границам, в противовес предыдущему периоду, когда был возможен не только побежденный, но и победитель. На современном уровне производства орудий массового уничтожения, если их будут применять, победителя не будет. Именно это делает необходимым истолкование данных понятий и, в соответствии с этим, выработку правильного поведения.

Идя дальше, так называемые глобальные проблемы нашей эпохи поднимают массу вопросов, и они открывают новые измерения угрожаемости человечеству. В них заключается много новых формулировок проблемы отношения к природе, сохранение, вовлечение в образ врага особенностей некоторых компонентов природы; среди прочего — истолкование болезней и т. п. Особую проблему означает роль современной науки и техники, друга и врага, модификация возможностей, тенденция их развития. Было бы полезным провести анализ образа врага в прошлом, да и в будущем социализма. Этот метод способствовал бы лучшему познанию действительности, учебе на множестве допущенных ошибок, и в немалой степени — разрешению конфликтов.

^{1. 2. 3. 4. 5.} А.И. Мельвин. Образ врага. США, 1988/г, стр. 31—33.

Horuczi László

ELLENSÉGKÉP, PLURALIZMUS, TOLERANCIA

Az emberi praxisban mindig megtalálható egy olyan momentum, ami a fennállónak a tagadását, illetve a legyőzendő akadályok megjelölését is felöleli. Ez a momentum az ún. ellenségképben összegződik. Mind az emberiség történetében, mind napjainkban tudatos vagy ösztönös ellenség képpel él az emberiség és tevékenységében bekalkulálja az ellenség létét. Az ellenség-fogalom mellett megkülönböztethetjük az ellenzék, a másképpen gondolkodó, az eltérő nézetet valló stb. fogalmát is. A társadalmi praxis sikeressége érdekében a fenti fogalmakat el kell tudni határolni egymástól. Történetileg nagyon káros gyakorlat az ellenség-kép gyártás és hogy ez ne történhessen meg, tudományos és sokoldalú valóság-analízásra van szükség.

Az ellenségkép egyrészt ismeretelméleti kategória, de a tevékenységben ontológiai tényezővé válik. Az ellenségkép helyes értelmezése megköveteli a pluralizmus létjogosultságának az elismerését és gyakorlati érvényrejuttatását. Ezzel együtt nélkülözhetetlen a tolerancia helyes gyakorlása.

